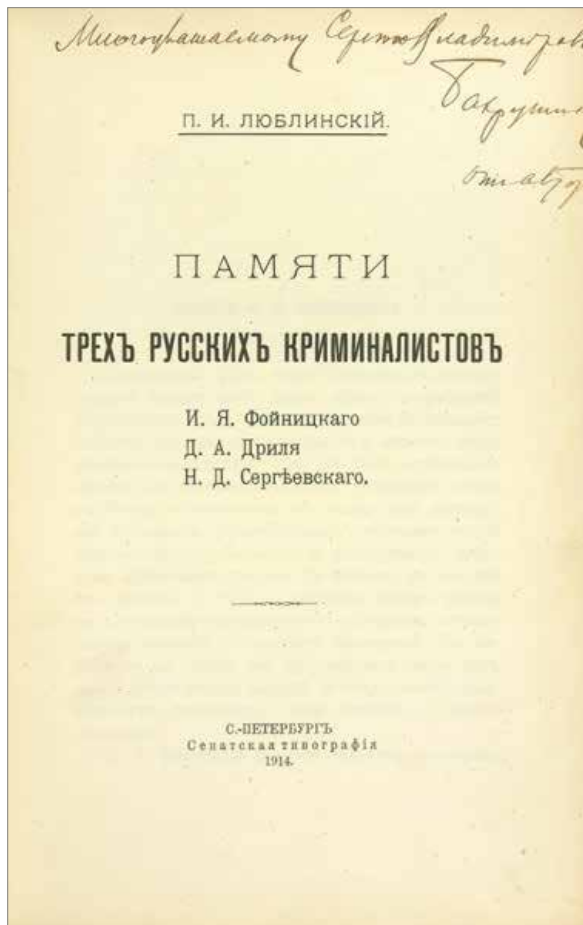

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Юридическое наследие

Павел Исаевич Люблинский (1882—1938) — российский и советский ученый-юрист, криминолог. В 1904 г. окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. После 1917 г. сразу же включился в строительство новой жизни. Впоследствии преподавал, заведовал кафедрой уголовного процесса в Ленинградском юридическом институте. За высокие научные заслуги был удостоен в 1938 г. ученой степени доктора юридических наук без защиты диссертации.

П. И. ЛЮБЛИНСКИЙ ПАМЯТИ ТРЕХ РУССКИХ КРИМИНАЛИСТОВ: И. Я. ФОЙНИЦКОГО, Д. А. ДРИЛЯ, Н. Д. СЕРГЕЕВСКОГО¹ (извлечение)

¹ Люблинский П. И. Памяти трех русских криминалистов: И. Я. Фойницкаго, Д. А. Дриля, Н. Д. Сергеевскаго. СПб. : Сенатская тип., 1914. 152 с. 22×14 см. Во владельческом составном переплете. Блок чистый, подрезан под переплет.

На титульном листе автограф юриста, криминолога Павла Исаевича Люблинского, адресованный известному историку, профессору, члену Академии наук Сергею Владимировичу Бахрушину.

ПАМЯТИ И. Я. ФОЙНИЦКАГО

(† 19 сентября 1913 года).

Выдающаяся роль, какую сыграла в истории русской юридической науки почти полувѣковая дѣятельность проф. Ивана Яковлевича Фойницкаго, требует обширнаго изслѣдованія и широкой исторической перспективы. Имя его было неразрывно связано съ прогрессомъ науки уголовного права въ Россіи, а творчество его нашло свое выраженіе въ самыхъ разнообразныхъ сторонахъ нашей правовой жизни. Личность и дѣятельность чловѣка неразрывно связана съ эпохою, въ которой онъ живетъ, и только измѣнивъ формы жизни, мы начинаемъ самостоятельно оцѣнивать историческое значеніе отдѣльныхъ личностей. Въ настоящее же время мы въ состояніи лишь дать самый общій обзоръ научной и общественной дѣятельности покойнаго, столь богатой и разнообразной.

— 6 —

мою медальную работу на ту же тему и какъ горячо убѣждалъ меня послѣ того посвятить свои силы именно уголовному праву.

Окончивъ университетъ въ 1868 году, Фойницкій принимается за подготовку къ магистерскому экзамену по уголовному праву подъ руководствомъ проф. А. П. Чебышева-Дмитріева. Параллельно съ этимъ онъ начинаетъ преподаваніе уголовного права въ Авдиторскомъ училищѣ, позднѣе преобразованномъ въ Военно-юридическую академію. Объ энергіи молодого ученаго свидѣтельствуетъ то, что въ теченіе трехъ лѣтъ (1868—1871 г.г.) онъ успѣваетъ не только сдать магистерскій экзаменъ, но также написать и защитить диссертацию на степень магистра. Въ отличіе отъ принятаго тогда типа диссертаций, изслѣдованіе Фойницкаго „Мошенничество по русскому праву“ (1871) представляло обширное двухтомное изслѣдованіе, богатое историческимъ и сравнительно-юридическимъ матеріаломъ и теоретическими построениями. Оно доннынѣ остается классическимъ трудомъ по этому вопросу, и даже въ современной западной литературѣ мы затрудняемся указать столь полное изслѣдованіе на эту тему. Въ этой работѣ молодой криминалистъ не остается однимъ только систематикомъ права; онъ восходитъ до отвлеченныхъ началъ правовѣдѣнія и начинаетъ свою книгу съ полемики съ Іерингомъ о законахъ историческаго

— 7 —

развитія права. Въ самой книгѣ встрѣчаются обширные экскурсы по вопросамъ о причинной связи, о значеніи способа дѣятельности въ составѣ преступленій, о покушеніи и приготовленіи. Около того же времени (въ 1870 г.) появляются двѣ большія статьи, изъ которыхъ одна была посвящена германскому уголовному уложенію, тогда только что появившемуся, а другая—уголовному праву Финляндіи.

Серьезная работа по догматическимъ вопросамъ удержала Фойницкаго отъ безраздѣльнаго увлеченія новыми идеями антропологической школы, тѣсно связанной въ своихъ корняхъ съ моднымъ тогда философскимъ матеріализмомъ. Когда по защитѣ диссертации, въ званіи доцента уголовного права, онъ командировается за границу и попадаетъ въ кругъ новыхъ тогда идей, онъ не отдается всецѣло ихъ вліянію, а подвергаетъ ихъ тщательной критической провѣркѣ. Изъ своей годичной командировки за границу, Фойницкій болѣе полугода пробылъ въ Англии. Ему удалось побывать и въ другихъ странахъ (Германіи, Франціи, Италіи, Швейцаріи), но ни одна изъ нихъ не наложила такого сильнаго отпечатка на его воззрѣнія и позднѣйшія работы, какъ именно Англія. И дѣйствительно, нашему ученому пришлось быть въ этой странѣ при исключительно счастливыхъ обстоятельствахъ. Два едва ли не наиболѣе громкихъ

— 8 —

дѣла Англїи второй половины XIX вѣка разбирались тогда въ лондонскомъ центральномъ судѣ: дѣло О'Коннора, обвинявшагся въ покушенїи на королеву Викторїю, и дѣло Тичборна, обвинявшагося въ незаконномъ присвоенїи чужого имени. Это послѣднее дѣло является донинѣ образцомъ мастерского веденїя судебного слѣдствїя и въ теченїе его наилучшимъ образомъ были демонстрированы положительныя и отрицательныя стороны англїйскаго процесса. Фойницкїй имѣлъ возможность присутствовать при начальныхъ стадїяхъ развитїя этого дѣла. Отсюда проистекаетъ его близкое знакомство съ англїйскимъ процессомъ, выдающимся знатокомъ котораго онъ справедливо признавался у насъ. Но еще болѣе благоприятнымъ обстоятельствомъ оказался первый международный пенитенціарный конгрессъ, происходившїй лѣтомъ 1872 г. въ Лондонѣ. На этомъ конгрессѣ были заложены принципы современной пенитенціарной науки, подробнѣе лишь развитые на дальнѣйшихъ конгрессахъ. Опытъ различныхъ европейскихъ странъ здѣсь почерпнулъ рядъ новыхъ идей объ исправленїи преступниковъ, о распредѣленїи ихъ на разряды, о неопредѣленныхъ приговорахъ, о тюремномъ режимѣ и т. д., принесенныхъ сюда американскими пенологами во главѣ съ д-ромъ Уайнсомъ. Впечатлѣнїя конгресса были дополнены личнымъ осмотромъ ряда англїйскихъ и ирланд-

— 9 —

ских тюремъ и исправительно-воспитательныхъ заведеній. Печатавшіяся въ Судебномъ Вѣстникѣ „Письма изъ заграницы“ даютъ намъ яркое представленіе о томъ, какъ живо воспринимались авторомъ эти интересныя впечатлѣнія. Въ англійскомъ судѣ молодого наблюдателя поражаютъ патриархальная простота засѣданія, полная состязательность, глубокое чувство обязанности, которымъ проникнуты присяжные, любовь къ фактамъ, непосредственно относящимся къ дѣлу, и терпѣніе въ разслѣдованіи доказательствъ. Въ англійской карательной системѣ вниманіе его останавливаютъ остатки варварства, какъ смертная казнь и тѣлесныя наказанія, ступальная мельница и колесо, заведенныя вмѣсто производительной работы въ тюрьмахъ, бѣдность нравственнаго воздѣйствія на заключенныхъ; но съ другой стороны, онъ одобряетъ принятую систему классификаціи заключенныхъ, индивидуализированіе тюремной дисциплины, патронатъ, систему переходныхъ тюремъ и, въ особенности, организацію ремесленныхъ и исправительныхъ школъ.

Въ письмахъ изъ Англій больше описаній, чѣмъ оцѣнки, но эти описанія были богатымъ источникомъ для выводовъ автора при послѣдующихъ работахъ.

Пребываніе въ Англій накладываетъ рѣзкую печать на дальнѣйшія склонности И. Я. Фойниц-

— 10 —

каго. Если до того онъ работалъ по догмѣ уголовного права, то по возвращеніи оттуда его вниманіе приковываютъ почти исключительно вопросы пенитенціарной науки и уголовного процесса. Къ нимъ присоединяются только время отъ времени экскурсы въ область уголовной статистики, которая включала въ то время въ себя и уголовную этиологію. Послѣднее объясняется участіемъ его съ 1873 по 1876 г. въ работахъ министерства юстиціи по упорядоченію изданія нашей уголовной статистики.

Находясь еще за границей, И. Я. Фойницкій печатаетъ въ Судебномъ Вѣстникѣ большую статью „Проектъ основныхъ положеній тюремнаго преобразованія въ Россіи“, предисловіемъ къ которой избираетъ слова извѣстнаго тюремнаго дѣятеля Моро-Кристофа: „Если вы хотите поднять нравственный уровень общества, обеспечьте сначала его благосостояніе. Если вы хотите поднять нравственность индивида, обеспечьте ему сначала работу и хлѣбъ, и тогда онъ будетъ легко воспринимать духовную пищу“. Въ этой статьѣ авторомъ подробно разсматриваются положенія, выставленныя графомъ В. А. Соллогубомъ, однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ руководителей нашего тюремнаго вѣдомства. Принимая выставленныя Соллогубомъ руководящія начала „справедливости“ и „общественнаго блага“ въ организаціи тюремнаго режима,

— 11 —

авторъ послѣдовательно выясняетъ отступленія отъ нихъ. Изъ этой крайне интересной для обрисовки возрѣній молодого автора статьи я позволю себѣ привести только заключительныя слова, которыя, на нашъ взглядъ, должны остаться руководящими и для современной уголовной политики: „Тюремный вопросъ въ его изолированномъ видѣ не имѣетъ никакого смысла. Этотъ смыслъ и жизненное содержаніе даютъ ему лишь внесеніе его въ систему другихъ общественныхъ мѣръ, направленныхъ противъ условій преступности. Слова тюремная реформа должны быть написаны мелкими буквами внизу знамени, на которомъ крупнымъ шрифтомъ отмѣченъ принципъ общественнаго благосостоянія путемъ образованности и свободы“.

Послѣ возвращенія на родину И. Я. объявляетъ въ Петербургскомъ университетѣ первый не только въ Россіи, но и за границей, спеціальныя курсы по тюремновѣдѣнію для всѣхъ студентовъ юридическаго факультета. Курсъ этотъ, позднѣе переименованный въ ученіе о наказаніи, читался имъ до 1905 года безпрерывно. Результатомъ работы надъ этимъ курсомъ явились сначала отдѣльныя статьи: „Тюремная реформа и тюремновѣдѣніе (вступительная лекція, прочтенная 8 января 1874 г.)“, „Тюремная статистика на западѣ“, „Русская карательная система“. Всѣ эти статьи, появившіяся въ 1874 г. въ „Судебномъ Вѣстникѣ“ и „Сбор-

— 12 —

никъ Гос. Знаній“, имѣли выдающееся научное и практическое значеніе. Вопросы тюремной реформы, благодаря комиссіи гр. Соллогуба, стояли тогда у насъ на очереди, и полныя цѣнныхъ указаній критическія работы автора, только что ознакомившагося съ постановкой дѣла на Западѣ и съ новыми теченіями пенитенціарной науки, были весьма кстати. Въ серединѣ 70-хъ годовъ появляется и литографированный курсъ лекцій по тюрьмовѣдѣнію, являющійся первоначальнымъ наброскомъ позднѣе вышедшаго курса „Ученіе о наказаніи“.

Въ концѣ 70-хъ г.г. вниманіе Фойницкаго направляется въ сторону и другого наказанія, игравшаго тогда у насъ первостепенную роль—ссылки. Благодаря счастливой случайности, какъ пишетъ онъ самъ, ему былъ открытъ доступъ въ Московскій архивъ министерства юстиціи, а также въ архивы государственнаго совѣта и сибирскаго комитета, доставившіе нашему ученому крайне интересныя данныя. На основаніи ихъ въ 1879 г. создается статья „Наша сибирская ссылка“, а въ слѣдующемъ году появляется посвященная предсѣдателю комиссіи по пересмотру карательной системы К. К. Гроту работа „Управленіе ссылки“. Но, повидимому, русскіе матеріалы о ссылкѣ не дали возможности нарисовать полную картину эволюціи ссылки, и чтобы доказать законъ историческаго вымиранія этого наказанія, И. Я. Фойницкій обращается къ За-

— 13 —

паду. Результатомъ тщательнаго изученія французскихъ и англійскихъ матеріаловъ является изслѣдованіе „Ссылка на Западъ“ (1881 г.), представленное на степень доктора уголовного права. Авторъ смотрѣлъ на эту работу какъ на предварительное изслѣдованіе вопроса о русской ссылкѣ, о чемъ прямо заявляетъ въ предисловіи къ книгѣ. Но, несомнѣнно, она имѣла и большую самостоятельную научную цѣнность. Матеріалы, добытые опытомъ французской ссылки, здѣсь впервые подверглись научной разработкѣ: изслѣдованіе англійской ссылки, покоящееся въ основаніи своемъ на работѣ Гольцендорфа, было дополнено данными многихъ англійскихъ изслѣдователей. Но центр тяжести работы лежалъ въ заключительныхъ обстоятельныхъ выводахъ автора (стр. 304—338), посвященныхъ оцѣнкѣ ссылки съ точки зрѣнія современныхъ задачъ борьбы съ преступностью и колонизаціонной политики. Здѣсь Фойницкій противопоставляетъ идеальный типъ ссылки, увлекающей многихъ пенологовъ, съ практическими трудностями осуществленія его. „Изъ мѣры, близкой къ идеалу наказанія, какою она представляется въ отвлеченномъ понятіи, ссылка превращается при прикосновеніи съ дѣйствительностью въ мѣру, негодную какъ кара, безнравственную какъ способъ колонизаціи, противорѣчащую началамъ исправленія и существу судебной дѣятельности, не дающую

— 14 —

объщанной безопасности метрополиі съ полнымъ разрушеніемъ ея въ колоніи, и въ высшей степени дорого стоящую. Реформируя свои мѣста заключенія, ставя болѣе и болѣе прочно благородное дѣло патроната, западъ менѣе и менѣе нуждается въ ссылкѣ и постепенно уничтожаетъ послѣдніе слѣды ея въ своихъ уголовныхъ кодексахъ и въ своей административной практикѣ“ (стр. 336). Въмѣсто ссылки авторъ рекомендовалъ послѣдующее по отбытіи заключенія въ тюрьмѣ добровольное переселеніе при помощи государства въ колоніи. Насколько цѣннымъ было изслѣдованіе И. Я. Фойницкаго о западной ссылкѣ, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что оно было въ 1894 г. переведено на французскій языкъ и много способствовало европейской извѣстности нашего автора. Къ сожалѣнію, предположенное изслѣдованіе о русской ссылкѣ не было написано авторомъ, вниманіе котораго съ учрежденіемъ комиссіи по пересмотру уложенія было отвлечено въ другую сторону. Лишь въ курсѣ „Ученіе о наказаніи“ мы встрѣчаемъ краткій общій очеркъ исторіи нашей ссылки. Но на практикѣ ему удалось способствовать значительному сокращенію примѣненія ссылки у насъ въ качествѣ члена комиссіи по пересмотру нашего законодательства о ссылкѣ, результатомъ дѣятельности которой явился законъ 3 іюня 1900 г. объ отмѣнѣ ссылки.

Итогомъ всѣхъ работъ по вопросамъ пенитен-

— 15 —

ціарнымъ явился вышедшій въ 1889 г. курсъ „Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ“. Работа эта, съ одной стороны, представляетъ теоретическую разработку вопросовъ, относящихся къ общей части уголовного права, какъ вопросы о субъектѣ права наказанія, о примѣненіи наказанія (опредѣленіи, замѣнѣ и погашеніи его), о системѣ карательныхъ мѣръ, съ другой, суммируетъ рядъ изслѣдованій автора въ области пенитенціарной науки. Въ составъ этого курса авторъ включилъ и свою теорію борьбы съ преступностью, какъ съ проявленіемъ особыхъ личныхъ свойствъ дѣятеля, своего рода прототипъ теоріи опаснаго состоянія. Я не въ состояніи, конечно, здѣсь дать оцѣнку этого капитальнаго произведенія, явившагося продуктомъ 15-лѣтней работы надъ вопросами наказанія. Укажу только, что она вызвала живой интересъ не только у насъ, гдѣ она была первымъ трудомъ въ этой области, трудомъ, покоящимся на обширныхъ самостоятельныхъ изысканіяхъ въ этой области, но и на Западѣ среди тѣхъ немногихъ ученыхъ, которые были знакомы съ русскимъ языкомъ ¹⁾. Съ момента появленія „Ученія о наказаніи“ творчество Фойницкаго въ этой области замираетъ почти совершенно. Статья „О научной разработкѣ исторіи наказанія“, посвященная раз-

¹⁾ См. критическій отзывъ Wesnitsch въ Zeitschrift, List'a В X. Н. 3.

— 16 —

бору книги Н. Д. Сергѣевского „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка“, и вышедшая вскорѣ послѣ курса, представляетъ, пожалуй, единственную работу въ этой области. И несмотря на то, что курсъ ученія о наказаніи вскорѣ разошелся и возникла настоятельная необходимость въ новомъ изданіи, Фойницкій не имѣлъ уже времени вернуться къ переработкѣ этихъ вопросовъ.

Кромѣ вопросовъ о наказаніи, во время заграничной командировки 1871 г. И. Я. интересовался еще одной темой законодательствомъ о печати. Онъ имѣлъ въ виду первоначально посвятить докторскую диссертацию этому вопросу, интересовавшему молодого автора всецѣло тогда проникнутаго идеями либерализма. Онъ привезъ по этому вопросу изъ заграницы громадную литературу и обильныя выписки изъ книгъ. Но тема эта осталась незаконченной. Результатомъ работы надъ этимъ вопросомъ явились лишь двѣ обширныя статьи: „Міровая эволюція законодательства о печати“ (Сборн. Гос. Знаній 1875 г.) и „Общегерманское законодательство о печати“ (Вѣстникъ Европы, 1874 г.). Эволюцію законодательства о печати Фойницкій дѣлилъ на три періода: вотчино-попечительный, полицейскій и правовой. Въ первомъ періодѣ правительство распространяетъ свое безусловное господство надъ извѣстными группами явленій и фактовъ и устраняетъ всякое вмѣшательство чуж-

— 17 —

дыхъ ему элементовъ: правительство считаетъ себя единственнымъ источникомъ и судьей народной нравственности, религии и образованія. Обширная сфера фактовъ становится запретнымъ плодомъ для печатнаго станка, и контроль надъ публичной мыслью распредѣляется между множествомъ различныхъ государственныхъ учреждений соотвѣтственно характеру лежащихъ на нихъ правительственныхъ функций. Иная картина представляется въ періодъ полицейскій. Личныя репрессивныя мѣры выходятъ изъ употребленія; государство начинаетъ больше бороться съ мнѣніями, а не лицами, исключенія остаются лишь для наиболѣе тяжкихъ случаевъ. Для борьбы съ мнѣніями государство прибѣгаетъ къ мѣрамъ внѣшняго предупрежденія, имѣющимъ цѣлью воспрепятствовать напечатанію и обнародованію такихъ произведеній, со стороны которыхъ оно опасается вреда. Частные интересы здѣсь поглощаются соображеніями общественнаго спокойствія и безопасности, и произведенія, имѣющія наибольшій сбытъ, вызываютъ наиболѣе энергичное противодѣйствіе государства. Наконецъ, правовой періодъ кладетъ опредѣленныя границы вмѣшательству государства, проводя различіе между словомъ юридически-отвѣтственнымъ и юридически-безотвѣтственнымъ. Къ области послѣдняго относится всякое слово, которое не можетъ быть причиной правонарушенія въ смыслѣ

— 18 —

юридическомъ, а такой характеръ носить всякое слово, остающееся въ сферѣ отвлеченныхъ, абстрактныхъ понятій. До тѣхъ поръ, пока слово не выходитъ изъ этой сферы общаго, пока оно не касается конкретно опредѣленнаго отношенія, оно чуждо юридическимъ мѣрамъ и должно стоять внѣ всякаго государственнаго вмѣшательства. Несмотря на нѣкоторую неопредѣленность, разграниченіе это въ общемъ удачно проводило грань между полицейской и правовой регламентаціей печати. Оно должно было быть положено въ основу догматическаго изслѣдованія законодательства о печати. Но на порогѣ этого вопроса работа остановилась и авторъ къ ней больше не возвращался.

Вниманіе его почти цѣликомъ приковывается къ разработкѣ догмы матеріальнаго и процессуальнаго отечественнаго права области, которая болѣе всего упрочила за нимъ репутацію выдающагося ученаго. Многія обстоятельства способствовали тому, чтобы богатый и разносторонній талантъ И. Я. Фойницкаго направился именно въ эту сферу. Факультетъ съ 1874 г. поручаетъ ему чтеніе курса уголовного права, который онъ читаетъ до 1882 г. Съ 1876 г. онъ назначается на должность товарища оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента, въ каковой должности ему постоянно приходится встрѣчаться съ догматическими вопросами всякаго рода. Наконецъ, привлеченіе его въ 1882 г.

— 19 —

въ составъ редакціонной комиссіи для выработки новаго уголовного уложенія окончательно повліяло на ходъ дальнѣйшей научной дѣятельности И. Я. Фойницкаго. Изъ области матеріальнаго права особенно внимательно разрабатываются вопросы объ имущественныхъ преступленіяхъ, лучше всего изученные авторомъ во время работы надъ магистерской диссертацией о мошенничествѣ. Изъ подъ его пера послѣдовательно выходятъ статьи „Объ укрывательствѣ вещей, добытыхъ преступленіемъ“ (1873) „О преступномъ присвоеніи чужого вѣреннаго имущества“ (1879 г.) „Объ обманѣ въ договорахъ“ (1880) и, наконецъ, въ 1890 г. появляется въ печатномъ видѣ „Курсъ уголовного права. Часть особенная“, посвященный преступленіямъ противъ личности и имущества въ цѣломъ. Работа эта выдержала пять изданій (послѣднее въ 1912 г.) и до сихъ поръ является непревзойденнымъ по полнотѣ и тонкости догматической разработки учебникомъ особенной части. На ряду съ созданіемъ ряда интересныхъ конструкцій для русскаго права, позднѣе усвоенныхъ практикой и отразившихся въ уголовномъ уложеніи 1903 года, она суммируетъ постановленія трехъ главнѣйшихъ западныхъ странъ Англіи, Франціи и Германіи, полна самостоятельныхъ историческихъ экскурсовъ и основана на тщательномъ знакомствѣ съ западной научной литературой. Большинство русскихъ криминалистовъ

2*

— 20 —

училось по этой книгѣ, и она впервые указывала имъ, какъ слѣдуетъ понимать и толковать уголовное право.

Область вопросовъ общей части, эта, казалось бы, наиболее благодарная сторона творчества для юриста, обладающаго широкимъ теоретическимъ горизонтомъ, нашла себѣ мало мѣста въ печатныхъ работахъ покойнаго. Въ этой области можно указать лишь нѣсколько блѣдную по содержанию вступительную лекцію въ курсъ уголовного права, напечатанную въ 1873 г., статью „Уголовно-правовая доктрина о соучастіи“ (Юрид. Вѣст. 1891 г.) и доклады петербургскому конгрессу— объ отвѣтственности малолѣтнихъ и парижскому пенитенціарному съѣзду о рецидивѣ. Между тѣмъ Фойницкій считался выдающимся теоретикомъ и ему принадлежитъ немало оригинальныхъ теорій именно въ области общей части. Его теорія личнаго состоянія преступности, какъ основы уголовной отвѣтственности, представлялась интересной попыткой комбинировать старые принципы классической школы съ требованиями позитивныхъ школъ антропологической и социологической. Его учение о соучастіи, впервые возставшее противъ ряда пережитковъ солидарной отвѣтственности въ этой области, оказало замѣтное вліяніе на западную доктрину и законодательство. Послѣ того какъ статья о соучастіи была напечатана въ журналѣ проф. Листа (1892), въ пользу

— 21 —

этой теории высказались такие авторитеты, какъ Лилленталь, Ламмашъ, Листъ и Цурхеръ. По вопросу о причинной связи, о свободѣ воли, о вѣроятности мы находимъ интересныя страницы въ его монографіяхъ и курсахъ. Отсутствие цѣлостнаго изложенія теории общей части можно объяснить лишь той повышенной требовательностью, которую предъявлялъ къ себѣ авторъ. Послѣ смерти И. Я. остались многочисленныя рукописи, посвященныя разработкѣ вопросовъ общей части. Въ этихъ рукописяхъ имѣются почти всѣ отдѣлы; многіе изъ нихъ изложены въ пяти-шести вариантахъ. Всѣ эти рукописи относятся къ 70—80 г.г.; послѣ этого времени авторъ, отойдя отъ преподаванія матеріальнаго права, не имѣлъ ни времени, ни силъ вернуться къ ихъ переработкѣ, хотя изданіе общей части было всегдашнею его цѣлью. При пересмотрѣ этихъ рукописей убѣждаешься, что многое, несмотря на нѣкоторую устарѣлость, несомнѣнно представляетъ научный интересъ и достойно печати даже въ неотдѣланномъ видѣ. Въ нѣкоторой мѣрѣ эти рукописи были использованы авторомъ для популярнаго изложенія исторической эволюціи русскаго уголовного права въ изданіи *Die Strafgesetzgebung der Gegenwart*, появившемся только на нѣмецкомъ языкѣ,

